

#ONLINE-БЕСТСЕЛЛЕР

Эл Ригби

#НОЧЬ ЗА НАШИМИ
СПИНАМИ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Р49

Р49

Ригби, Эл

Ночь за нашими спинами : роман / Эл Ригби. — Москва : Издательство АСТ, 2016. — 512 с.

ISBN 978-5-17-097626-3

Когда на твоих глазах убивают напарника, это трудно пережить. Если с ним теряешь крылья, пережить это почти невозможно. Я до сих пор не уверена, что смогла. И я знаю точно: та смерть не была случайной.

Тайны заперты в старом дневнике. Тайны прячут политики, для которых я и все, кто заменил мне семью, — опасные монстры. О тайнах шепчут Мертвые Ангелы, спускающиеся с неба каждую ночь.

Мы ищем ответы. Рано или поздно найдем все до единого, как бы нам ни мешали. Может, последний принесет хоть немного покоя, а может — только голодное разрушающее пламя, которое уничтожит нас и все, что мы защищаем.

Потому что некоторые улицы нашего города даже днем ведут в крошечную тьму, а некоторые его тайны лучше не разгадывать.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-097626-3

© Эл Ригби, 2016
© Shutterstock, Inc., фотография на обложке, 2016
© ООО «Издательство АСТ», 2016

*Что говорит Закон Джунглей?
С начала ударь, а потом подавай
голос. По одной твоей беспечности
они узнают в тебе человека.
Будь же благоразумен.
(Р. Киплинг, «Братья Маугли»)*

ПРОЛОГ. СЕМЬ ТАЙН

ТАЙНА ПЕРВАЯ

Падение было быстрым: его торопили космические ветры. Они гнали объект вперед, к единственному островку жизни, перекидывали друг другу, словно дельфины, играющие в мяч.

У земли ветры заскучили и сгнули. Объект — небольшой, размером примерно с корзинку для кошек, — рухнул в густые заросли. Вспыхнул, оставив круг выжженной земли, погас с коротким гудящим звуком и затих. В небе сверкали созвездия — треугольник, длинный зигзаг и колесница. И еще одно, состоящее из нескольких ломаных линий, белое, с пронзительно-голубой альфой в середине.

Падения не заметили: горожане не смотрели в окна ночью и тем более не выходили на улицу. После восьми занавески всегда задерживались, жалюзи — опускались.

Но почти в каждом городе встречаются люди, которым, чтобы видеть, не нужны окна. И этот не был исключением.

— Сигнал V-34678, уровень тревоги желтый. Господин капитан, объект между Северным пустырем и чертой города.

— Зона *Диких Пуль*?

— Так точно.

— Проснулись?

— Нет, сэр.

Голос молодого радиста Северного гарнизона подрагивал, хотя парнишка явно старался это скрыть. Похвально, что старался, скверно, что не смог.

Тот, кого солдат почтительно называл господином капитаном, усмехнулся. Его не удивляло, что радист не рвется покинуть наблюдательный пункт. Не хочет и понимает, что придется. Но... может быть, сегодня ему повезет?

— Уточните координаты, отправляюсь сам. До связи.

В конце концов, у него не было планов на вечер. Вообще, их никогда у него нет. Облегченный вздох на том конце и короткое «Вас понял». Вскоре автомобиль — черный джип военного образца — зарычал, глуша зычный лай сторожевых доберманов. Господин капитан не взял сопровождения. В нерабочее время он предпочитал рисковать только собственной головой.

В зеркало заднего вида он в последний раз бросил взгляд на то, что осталось за спиной. Элитный правительственный поселок «Аквилон» раскинулся на северо-востоке, у самого края Коридора. К дальним заборам уже подступала *предельная тьма*. Пятна звезд блестели над ней, словно плавали в мазуте.

Координаты передали через две минуты. Добраться до места оказалось просто: достаточно было обогнуть северную окраину города и остановиться, не доезжая две с половиной сотни метров до конца *пустыря*. Там, среди мусора и мутировавших растений, чужеродный объект можно было не заметить. Если не знать, что искать.

Мужчина остановил джип, надел шлем и проверил винтовку. Затем вышел и неторопливо направился вперед. Он шагал осторожно, с кошачьей мягкостью, и постоянно ждал одного вполне определенного звука. Но пули молчали. Сегодня они, возможно, спали.

Вскоре он обнаружил ее — продолговатую металлическую капсулу с двумя распластанными по земле остроконечными крыльями. Правое переломилось пополам. Капсула была гладкой: без кнопок, трещин, следов соединения деталей. Она напоминала, пожалуй, яйцо. Мужчина наклонился, потом присел. Едва он вытянул обезображенную шрамами руку, как капсула дрогнула.

Он ждал как ледящего холода, так и обжигающего жара, но ничего не ощутил. Только увидел: во все стороны от ладони побежали лучи маленького оранжевого солнца. И тишина оборвалась.

Что-то было сказано на незнакомом языке, что-то — на родном русском. У корабля — а теперь мужчина практически не сомневался, что перед ним корабль, — был анализатор речи. И то ли северный язык колонии землян был слишком сложным, то ли система сломалась. Разобрать удалось лишь:

— ...не стать как мы.

Передняя часть капсулы поднялась и начала отъезжать вбок. Огненно-рыжая девочка, очень похожая на

человека, мгновенно проснувшись, протянула к мужчине когтистые ручки.

Он посмотрел на выжженную землю вокруг. Потом увидел искорки в глубине зеленовато-голубых глаз и неожиданно для самого себя улыбнулся.

Он уже знал, как будут звать эту малышку.

ТАЙНА ВТОРАЯ

Он не справился. Даже не пытался. Когда он вырвался из опустевшего дома и с истошным воем понесся вперед, сначала мимо кукурузных полей, а потом через лес, он не ощутил никакой радости.

Говорят, такие, как он, — свободные создания. Говорят, они сильны и быстро забывают боль. Говорят, это опьяняюще прекрасно — *быть волком*. Но не для него.

Когда его покинули, он потерял голову и сердце. Как-то многовато, особенно если тебе шестнадцать и тебя приручили. С каждым разом луна все сильнее давила на него, и эта — багровая и глумливая — заставила принять окончательное решение. Пора было кончать. В конце концов, рано или поздно он просто станет опасным. Уже сейчас по окрестным фермам ходят слухи, что кто-то нападает на соседский скот. Не стоило ждать, когда вместо овцы ему повстречается ребенок.

Он несся, раздирая лапы о коряги, царапая бока ветками, — низкими, упругими, влажными от прошедшего дождя. Все равно, что это будет: пуля, машина, другой зверь или речное течение. Хоть что-то, только бы скорее.

Хищник в его сознании вдруг учуял что-то. Вздрыгнула шерсть на загривке, а зубы сами собой оскалились. Неясная угроза.

Он понял, в чем дело, уже через несколько секунд, когда лапы рефлекторно вжались в землю.

Впереди была непроглядная тьма, даже на фоне густого леса она казалась черной, как уголь. Чернее угля. Предельной. Когда он пригляделся к ней, она вдруг поманила его.

Беги домой, звереныш. Скорее.

Волк противился. Волк плевать хотел на то, что в шестнадцать иногда не хочется жить. Человек же рвался и победил. Должен же он был одержать хоть одну победу в своей гребаной сломанной жизни?

Оборотень толкнулся лапами и побежал.

ТАЙНА ТРЕТЬЯ

Девочка смотрела на свое лицо в зеркало и улыбалась. Возможно, она еще дышала только благодаря этому.

Вчера ей разбили губу и сильно поранили шею во время боя. Потом отвели в комнату к высокому тощему старику. Она не запомнила его лица, лишь разглядела, что волосы у него торчали, как перья у вороны, от него пахло ментолом и куревом, а голос был приторный и низкий. А еще в память врезались его руки. Так что сейчас с большим усилием она сдерживала слезы, к тому же ее подташнивало.

— Шестая! — Голос прозвучал с той стороны двери. — Внеплановый бой, тринадцатая слилась! Давай сюда!

Осталось немного. Совсем немного. Пара переломанных спин. Ничего, она потерпит.

Босая девочка с завязанными в хвост волосами, одетая в черную футболку и штаны, наконец вышла. Шаховского уже не было. Лех ненадолго сжал ее руку:

— Береги себя. Используй все удары, которым я тебя учил.

Леху было чуть больше двадцати. Девочке всегда нравилось смотреть в его зеленые светлые глаза. Хотя бы потому, что он никогда не раздевал ее взглядом. И еще потому, что фраза «Береги себя» определенно не была девизом этого места. Здесь чаще говорили: «Сделай или сдохни».

— Все схвачено. Скоро.

Он поцеловал ее и бережно обнял. От него не пахло ментолом, но тошнота не проходила.

— Я могу... пожелать тебе что-нибудь?

Она улыбнулась, глядя на двухметрового молодого мужчину снизу вверх.

— Как всегда. Остаться в живых.

ТАЙНА ЧЕТВЕРТАЯ

— Если я дам команду, падай!

— Хорошо, Крейг, — прошептал мальчик.

Старший понимал, что младший будет плакать. Он и сам бы на его месте плакал. Если подумать, то, что произошло с ними, было...

...немыслимым.

— Крейг, мне страшно.

Он оглянулся. Самолет дымился в загаженном болотной жижей овраге. Теперь он неисправен, и мистер Джонс его явно не получит. Да и куда бы они сейчас полетели?

Крейг прищурился, напряженно глядя дальше, за овраг, — туда, где сплошная стена тьмы тонула в хмуrom небе. Черное рядом с серым. Бесконечное. Злобное.

Он постарался улыбнуться и покрепче сжал влажную холодную ладонь брата.

— Мы выберемся. Пойдем, поищем людей.

Несколько зданий, маячивших впереди, совсем не напоминали дома. Белые, построенные из трубчатых блоков, поблескивающие, как снег, они не имели окон и были покрыты паутиной. В каждом помещении встречало одно и то же — пустота, пыль и странный запах. Жженая пластмасса, что-то подобное. Там, где когда-то обитали люди, не может так пахнуть.

Они выбрались к огромному пустырю. Земля здесь была каменистая и жесткая. Редкими плешивыми клочьями росла полынь, кое-где тянулись вверх уродливые зеленые листья и зонтики цветков. Пустырь простирался далеко.

— Там... могут быть другие дома, Крейг?

Место было открытым и казалось совершенно безопасным. Поколебавшись, он кивнул, а спустя какое-то время предложил:

— Пробежимся? Представь, что это бейсбол. Нужно попасть в зону. Давай. Раз. Два..

Когда они побежали, Крейг не почувствовал сопротивления ветра. Совсем, ни капельки. Бежать было легко, и не оставалось сомнений, что вскоре начнется какая-то перемена в ландшафте. И..

Свист. В одну секунду этот звук перекрыл все остальные.

— Падай!

Он резко толкнул брата на землю, и тот сдавленно вскрикнул. Это был не свист ветра. Свистели пули.

— Не двигайся! Что бы ни случилось, не..

Это было последнее, что он успел сказать. Последнее, что успел почувствовать, — жжение в груди, легкое,

как будто ужалила пчела. Но здесь, в мертвом воздухе, не чувствовалось запаха цветов, значит, не было пчел.

— Крейг!

Старший брат лежал ничком. Младший потрогал его руку, потом шею. Пульса не было. Он уже успел стать скаутом и знал, что это значит, — когда пульс не прощупывается.

Он лежал еще долго, а пули свистели и свистели над головой: иногда пролетая совсем низко и задевая растрепанные светлые волосы. Потом все стихло. Мальчик пополз вперед.

ТАЙНА ПЯТАЯ

— Девчонка опасна?

Фигура в зеркале покачала головой.

— Она крайне глупа. Вряд ли когда-нибудь поймет, что ей *в действительности* доверили.

Не скрывая недоумения, собеседник вежливо приподнял брови:

— Тогда почему ты так ее боишься? Я навел справки. Если не брать в расчет того, кто ее защищает...

Волны черной ряби пошли по стеклу, окончательно скрыв отражение. Тот, чей силуэт темнел на его месте, ослабил и сложил руки на груди.

— Я не боюсь. Я хочу получить то, чем она владеет. Без остатка. Такие дары не должны доставаться людям. Когда-то я неосторожно создал похожий дар сам и теперь... как видишь, расплачиваюсь.

— Хм. Кажется, я слышал подобное о яблоках с одного старого-старого дерева в старом-старом саду.

В зеркале усмехнулись. Шутку поняли. И, вполне возможно, оценили.

— Согласен?

Он закусил губу. Что-то его останавливало, буквально свербило в мозгу. Забавно... ему казалось, что его уже не остановит такая ерунда, как...

...человечность?

— Она маленькая. Не хочу делать этого сейчас.

В зеркале протяжно рассмеялись. Он ждал, что разговор будет окончен прямо сейчас, но неожиданно смех сменился ровным голосом:

— Ладно. Не спеши. Мне тоже нужно время.

— Сколько?

— Несколько лет. Будет даже лучше, если *она* окрепнет.

Он улыбнулся. Как ни странно, небольшая поблажка чертовски воодушевила его. Он оттянул ворот рубашки, сделал глубокий вдох и деловито посмотрел на часы.

— Славно. По рукам.

Поверхность зеркала снова зарыбила. Силуэт приблизился, стал четче. Когда бледная жилистая кисть, унизанная кольцами, вынырнула из черного стекла, пожатие было до боли крепким. На ладони остался багровый ожог. Зеркало треснуло вдоль, наконец снова показав отражение. Отражение не улыбалось.

ТАЙНА ШЕСТАЯ

На дальнем конце пристани стояли двое, а городское озеро — Большая Вода — бесновалось неподалеку от их ног.

У молодого были длинные темно-русые волосы и перепачканные в краске ладони. Поднося ко рту покрасневшие пальцы, он с самым безмятежным видом грел их дыханием. Высокий седой мужчина рядом, скрестив

на груди руки, рассматривал картину — остров в море за полярным кругом. Белый участок суши среди темной ряби, с канареечно-желтой полоской нелепых одуванчиков вдоль берега. Менее уместными одуванчики были бы только здесь — в городе вереска и полыни, под боком царства тьмы. Впрочем, *Художник* всегда питал слабость к абсурдным полотнам.

— Что бы ты предложил? — прозвучал низковатый, но чистый и необычайно ясный голос.

— В некоторых уравнениях, — отозвался мужчина и лукаво поднял брови, — неизвестные переменные лучше дольше держать в тайне. Помнишь?

— Я удивительно слаб в математике.

Они улыбнулись так, как улыбаются прекрасно понимающие друг друга люди. Художник стал убирать краски в деревянный ящичек. Поднявшийся ветер сильнее растрепал его волосы и вздыбил полы джинсового плаща. Одежда бродяги, взгляд блаженного — все как с картинки. Только за пояс заткнут большой разделочный нож.

В небе мелькнул силуэт. Белая, окутанная саваном спутанных прядей фигура исчезла среди облаков так же стремительно, как появилась. Мужчина посмотрел ей вслед. Потом бросил взгляд на воображаемую линию горизонта — туда, где уже не было ничего, кроме черной стены, разрубавшей пустое поле.

— Пора. Нужно отвезти вещи. В «Алую звезду», будь она неладна.

Художник оглядел стоявшую у ног мужчины спортивную сумку. Она была чуть приоткрыта, оттуда торчала обложка какой-то тетради.

— Ты нашел там кого-то?..

— Да.

— А если...

— В конце концов, ты еще не надрал мне зад. Это что-то значит, так?

Художник промолчал и застегнул плащ — на левом запястье мелькнул хорошо знакомый сквозной шрам.

— Хорошо. Попробуй.

Он отвернулся и снова стал смотреть в темноту.

ТАЙНА СЕДЬМАЯ

У девушки не получалось даже ползти. Она опустила голову, и волосы упали на лицо. Вдруг она почувствовала запах влажной травы — острый, отчетливый и сладкий. Как и всегда в начале лета, в траве всюду синели крупные колокольчики. Так пахла сама просыпавшаяся жизнь, прежде чем ускользнуть сквозь окровавленные пальцы.

Она свернула не там. Ошиблась, когда оставалось совсем недалеко. Как, как она могла, она ведь знала эту дорогу и все указатели на ней, она ездила здесь почти каждый день. Впрочем, ее предупреждали.

Езди поосторожнее на своем чудовище. Пожалуйста.

Мотоцикл, лежавший на боку, напоминал раздавленное насекомое и слегка дымился. Пошел дождь, что было вполне ожидаемо: утром о нем сообщали в сводках. Как и об аномально низком давлении и резких порывах западного ветра.

Она зажмурила глаза и не видела, как в глубокой расщелине в камнях сгущается туман. Уплотняется. Складывается в силуэт.

— Вот и ты...